

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2017

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 14, № 2

ЛЕТО
2017

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 29

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Аникеева** (Москва, изд-во «Наука — Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хуньинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Второе слово великого Сифа» (*NHC VII. 2*).
Перевод, введение и примечания *А.Л. Хосроева* **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- О.В. Лундышева, А.А. Туранская*. Ксилографическое издание *Uṣṇīṣavijayā dhāraṇī*
из Хара-Хото и его место в буддийской традиции **47**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- «Коран Мусайлимы ал-Каззāба». Предисловие, перевод и комментарии *Ф.О. Нофала* **67**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Елисеев С.Г.* Идеалистический пейзаж в Японии и Сэсю.
Предисловие, подготовка к публикации и комментарии *С.И. Марахоновой* **76**

- Письма Дэниела Райта к И.П. Минаеву.
Предисловие, подготовка к публикации, перевод с английского
и примечания *Т.В. Ермаковой* **97**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И.Ф. Попова*. Международная научная конференция «Письменное наследие Дуньхуана.
К 90-летию со дня рождения Л.Н. Меньшикова (1926–2005) и Л.И. Чугуевского (1926–2002)»
(Санкт-Петербург, 1–3 сентября 2016 г.) **111**

- Т.В. Ермакова, Е.П. Островская*. Десятые Всероссийские востоковедные чтения
памяти О.О. Розенберга (Санкт-Петербург, 28–29 ноября 2016 г.) **119**

- В.П. Иванов*. Лекторий ИВР РАН в 2016 году **125**

РЕЦЕНЗИИ

- Повесть о раджах Пасея / Пер. с малайского, исследование, примеч. и прилож. Л.В. Горяевой. —
М.: Наука; Восточная литература, 2015. — 190 с. (*М.Ю. Ульянов*) **129**

- Eugenia Zuroski Jenkins*. A Taste for China. English Subjectivity and the Prehistory of Orientalism.
New York: Oxford University Press, 2013 (Global Asias). — 304 pp. (*Т.И. Виноградова*) **134**

IN MEMORIAM

- О.П. Щеглова (*Ю.А. Иоаннесян*) **140**

На четвертой стороне обложки:

Икона (*цакли*) с изображением Падма-Махешвары (одной из форм буддийского божества Хаягривы).
Шифр АВ ИВР РАН, ф. 145, оп. 1, № 192:2

Рецензия на книгу:

Eugenia Zuroski Jenkins. A Taste for China.

English Subjectivity and the Prehistory of Orientalism. —

New York: Oxford University Press, 2013 (Global Asias). — 304 pp.

Т.И. Виноградова

Библиотека Российской академии наук

Ключевые слова: Китай, фарфор, шинуазри, ориентализм.

Статья поступила в редакцию 22.01.2017.

Татьяна Игоревна Виноградова, канд. исторических наук, заведующая Отделом литературы стран Азии и Африки, Библиотека Российской академии наук, РФ; 199034, г. Санкт-Петербург, В.О., Биржевая линия, д. 1 (ptat-vinogradova2008@yandex.ru).

© Виноградова Т.И., 2017

В книге специалиста по английской литературе XVIII в. из университета Макмастера Юджинии Зуроски Дженкинс исследуется рефлексия британской словесности на появление в английской культуре китайских вещей. Книга посвящена родителям автора, «которые научили меня читать». Ю. Зуроски Дженкинс прочитала громадное количество произведений английской художественной литературы и публицистики конца XVII–XVIII вв. Выводы, к которым она пришла, заслуживают того, чтобы сообщить о них российской синологической общественности.

Название книги трудно перевести на русский язык, в котором отсутствует игра слов *China/china*, т.е. «Китай»/«фарфор» (и более того — любая китайская вещь, “things Chinese”). Слово «китайщина» будет не совсем точным, но по-другому не получится: «Вкус к китайщине. Английская субъективность и предыстория ориентализма». «Вкус» имеется в виду тот, который бывает хороший или плохой, т.е. некая оценочная эстетическая категория.

Кстати, в название серии, в которой вышла книга, тоже входит несуществующее слово — Азия во множественном числе, «Глобальные Азии»¹.

Ю. Зуроски использует слово *chinoiserie* как английское, не вполне в том смысле, в котором его понимают французы и искусствоведы (с. 1, 66–67). *Chinoiserie* здесь

¹ В этой серии вышли следующие книги: *Yao Steven G. Foreign Accents: Chinese American Verse from Exclusion to Postethnicity*. New York: Oxford University Press, 2010; *Hill Michael. Lin Shu, Inc.: Translation and the Making of Modern Chinese Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2013; *Ning Ma. The Age of Silver: the Rise of the Novel East and West*. New York: Oxford University Press, 2016.

лишь синоним для “things Chinese”. Примечательно, что в обширной библиографии отсутствуют французские работы, автор ссылается только на английские переводы тех произведений французских авторов, без которых немислимы ее теоретические рассуждения, прежде всего на «Структуры повседневности» Фернана Броделя.

И конечно, очень важное для концепции автора — «ориентализм». Ю. Зуроски, вынося этот термин в заглавие своей монографии, отсылает к известной концепции Эдварда Саида, поэтому уже в предисловии формулирует свое к ней отношение в параграфе «Другие ориентализмы» (Other orientalisms — еще одно несуществующее слово!). Ю. Зуроски видит главный «другой ориентализм» в работах Шриниваса Аравамудана (Srinivas Aravamudan, 1962–2016), т.н. Enlightenment Orientalism, «ориентализм Эпохи просвещения». Хронологические рамки своего исследования Ю. Зуроски определяет как весь долгий XVIII век — “long eighteenth century”, в течение которого вкусы менялись, но феномен любви к китайским вещам оставался неизменным.

Не менее важной для Ю. Зуроски является теория восприятия (perception) Джона Локка (John Locke, 1632–1704) о том, что мозг является пустым сосудом, который постепенно заполняется внешними впечатлениями. Мозг подобен комнате коллекционера с удивительными вещами со всего мира. Ю. Зуроски начинает свое исследование с подборки свидетельств об английских кабинетах, наполненных предметами китайского декоративно-прикладного искусства. Более всего подобных сведений содержится в «Письмах из турецкого посольства» Мэри Вортли Монтегю (Mary Wortley Montagu. Turkish Embassy Letters), написанных в 1716–1718 гг. В трудах ее современников формулируется идея о «космополитической нации», в которой вопрос об английской идентичности неотделим от успехов Англии в мировой торговле. Реставрация подготовила английский «мозг» к восприятию всего нового, и в кабинеты хлынули китайские товары, изменившие вскоре весь облик английской культуры еще до начала империалистической колонизации в гораздо большей степени, чем это принято обычно считать.

Еще в 1604 г. один из героев пьесы Шекспира «Мера за меру» описывает некие тарелки как «не китайские, но очень хорошие тарелки» (с. 74). Первое упоминание о чае — «китайском напитке, который я до этого еще никогда не пил» — относится к 1660 г. (с. 74). Вскоре после этого Джон Ивлин (John Evelyn, 1620–1706), писатель, мемуарист и, что важно, садовод и коллекционер, пишет пространные записи о китайских вещах, которые он видел при английском дворе. Если верить Ивлину, именно королева Мария II (1662–1694) привила при английском дворе континентальный вкус к фарфору и другим китайским вещам (досадно, что Указатель книги отсылает к Queen Mary и к Maria Theresa как к одной и той же персоне, см. с. 280), а популярность при дворе способствовала их проникновению в круги аристократические, далее — везде. Даниель Дефо (Daniel Defoe, ок. 1660 — 1731) называл стремление увенчать каждую полку фарфоровой посудой «пагубным эксцессом» (с. 78). Многим авторам набитые до краев фарфором кабинеты казались проявлением дурного вкуса. Китайские вещи оказались пробным камнем для оценки тонкости вкуса английской публики, о чем свидетельствует прежде всего комедия периода Реставрации. Ю. Зуроски подробно разбирает две пьесы Уильяма Уичерли (William Wycherley, 1641?–1716): «Деревенская жена» (“The Country Wife”) и «Прямодушный» (“The Plain Dealer”), фривольные комедии, появившиеся как реакция на канувшую в Лету пури-

танскую революцию. В этих текстах зафиксировано еще одно значение слова «Китай» с маленькой буквы: так называлась не только суперпопулярная фарфоровая посуда, но и некие фарфоровые изделия сексуального назначения. В весьма откровенных диалогах герои и героини Уичерли обыгрывают двойное значение нового слова. В начале XVIII в. два смысла слова «чайна» — нечто прекрасное и нечто фаллическое — боролись между собой, особенно в женском сознании, и еще не было ясно, кто победит в этой борьбе.

Естественно, что в таких условиях неизбежно возникает вопрос о вкусе, о том, как китайские вещи представляли английскому воображению. Более всего об этом писали английские публицисты — сэр Ричард Стил (Sir Richard Steele, 1672?–1729) и Джозеф Аддисон (Joseph Addison, 1672–1719) — основатели популярнейших изданий “The Tatler”, “The Spectator” и “The Guardian”. Оба автора усматривали в страсти к приобретению громадного количества фарфора особенности женского потребления, считали эту страсть видом общественного сумасшествия. Поклонники «чайны» представлялись им существами неполноценными, бесполезными и хрупкими, как и сам фарфор. Публицисты пытались учить дам разумному потреблению, постоянно настаивая на том, что вкус есть нечто, чему можно научиться, что следует культивировать и улучшать. Вкус — основа социальной и культурной грамотности в космополитическом мире, точка контакта между воображаемым и материальным миром (с. 101).

Философскую основу таких суждений Ю. Зуроски видит в построениях Джорджа Беркли (George Berkeley, 1685–1753) о связи между чувственным и интеллектуальным опытом. Китайский фарфор сам по себе не плох и не хорош: «чайна» может быть плохой и хорошей, плохая «чайна» — момент нарушения связей между субъектами и объектами такого опыта, а хорошая демонстрирует, как воображение может быть положено в основу построения космополитической нации (с. 102). Вкус и воображение в начале XVIII в. — акты самозащиты по отношению к внешнему миру, которые облегчают англичанину наслаждение от вещей, находящихся за пределами его собственного знания.

Поставить перед собой задачу осмысления изменяющейся позиции Англии в мире и английского субъективного опыта о мире за границами знакомого мог только роман. Ю. Зуроски полагает, что ближе всего к решению такой задачи подошел Даниель Дефо в книгах о Робинзоне Крузо и в значительно менее у нас известном, хотя и переведенном на русский язык, романе «Жизнь и пиратские приключения славного капитана Синглтона» (The Life, Adventures and Piracies of the Famous Captain Singleton, 1720)².

Согласно Ю. Зуроски, романы Д. Дефо посвящены английскому присутствию на иностранных территориях, глобальной торговле с иностранцами. Усиливающаяся зависимость от иностранцев влечет осознание необходимости сплочения внутри страны. Робинзон Крузо создает у себя на необитаемом острове модель закрытой экономики. Дефо, как экономист (эта сторона его деятельности также не слишком известна в России), ощущал риск неравной внешней торговли. В XVIII в. Англия, устанавливая торговлю с Китаем, обнаружила себя маргинальным участником в

растущей азиатской экономике. Китай экспортировал предметы роскоши, а взамен хотел только европейских денег. Англичане ввозили «безделушки» (trinkets) за золото и серебро. Вставал вопрос об обеспечении бумажных денег, возникали новые формы кредитов. В торговле с Китаем реальные деньги меняются на имитационные. Англия торгует с Китаем так же, как с индейцами, только наоборот. И Крузо, и Сингльтон полагают, что деньги не имеют стоимости, они не нужны первому на его острове, второму — в джунглях Мадагаскара, монеты превращаются в безделушки.

Пока Китай продолжал лидировать в глобальной торговле предметами роскоши, Англия могла только воображать себя равным или превосходящим торговым партнером (с. 121). Опасения Д. Дефо относительно последствий неравной торговли с Китаем выплеснулись на страницы «Дальнейших приключений Робинзона Крузо» (1719) — «синофобского трактата» (с. 119). Тут уместно будет привести высказывание В.М. Алексеева об этом произведении: «Общественное мнение Европы о Китае и китайцах формировалось прежде всего из книг, которые читались всеми и, конечно, в первую очередь рассказами о Китае Робинзона Крузо в известной книге Дефо. Перечитывая эти места знаменитой книги, я не могу не заметить, что, действительно, его саркастическая характеристика легла едва ли не в основу всех суждений о Китае со стороны европейцев-обывателей, которые даже до сих пор, несмотря на столь яркие демонстрации величия китайской культуры, как музеи и выставки китайского искусства, переводы китайских поэтов и прочее, все же считают китайцев, по меткому выражению Робинзона Крузо (о китайской Великой стене) „величественной чепухой“ (A Mighty Nothing). Недаром один из современных китайских китаистов назвал Дефо „суровым критиком Китая“ (Chên Shou-i “Daniel Defoe: China’s severe critic” в Nankai Social and Economic Quarterly, VIII, 3), но беспочвенным фантазером, что, конечно, неправильно»³.

В поэзии, по мнению Ю. Зуроски, наиболее полно выразил новую культурную ситуацию в Англии Александр Поуп (Alexander Pope, 1688–1744). Его иронико-героическая (mock-epic) поэма «Похищение локона»⁴ (The Rape of the Lock) содержит эстетическую оценку проникновения экзотических вещей в быт британских светских дам. Реальные свидетельства этому во множестве находятся на страницах пособий по домоводству — «модных журналов» того времени, задающих новые стандарты потребления. В безумную гонку за «украшательством» (beautification) были вовлечены, конечно, не только китайские, но и японские изделия (слово “japanning” относится по преимуществу к экранам и ширмам черного лака), турецкие и индийские ткани. Обычай пить новые напитки — кофе и чай — требовал и новой посуды, и новых ритуалов. мода на китайское парковое искусство к началу XVIII в. видоизменила облик традиционного английского сада. Дамская мода на «китайщину» стала объектом насмешек Джонатана Свифта (Jonathan Swift, 1667–1745), особенно в его поэме «Дамская гардеробная» (“The Lady’s Dressing Room”, 1732). И для Поупа, и для Свифта увлечение английских дам восточной экзотикой демонстрирует последствия насильственного нарушения границ английской идентичности (с. 144).

³ Алексеев В.М. Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая / Отв. ред. Б.Л. Рифтин, сост. Т.И. Виноградова. СПб.: БАН, Альфарет, 2010. С. 267.

⁴ Поуп Александр. Похищение локона // Александр Поуп. Поэмы / Пер. В. Микушевича. М.: Художественная литература, 1988.

Ю. Зуроски умеет подбирать образы, наглядно подтверждающие правильность ее построений. Символом усиливающихся антикитайских настроений в английском обществе стала громадная китайская чаша для пунша, помещенная в центр известнейшей сатирической гравюры Уильяма Хогарта (William Hogarth, 1697–1764) «Современный ночной разговор» (“A Midnight Modern Conversation”, 1732). Картину полуночного застолья английских алкоголиков копировал неоднократно и сам Хогарт, и другие европейские художники. Ее популярность была столь высока, что неизвестный китайский художник повторил ее на экспортной чаше для пунша, причем с другого бока чаши изображены благообразные китайские «джентльмены» на лоне природы. Получилась сильная аллегория намечающегося межцивилизационного конфликта.

Хогарт, впрочем, не обвинял китайцев в том, что они довели англичан до алкоголизма. В дискуссиях о китайском влиянии на первое место вышел безалкогольный китайский напиток, быстро и сильно изменивший жизнь всех англичан, — чай. Автора яростного «античайного» памфлета Джонаса Хенвэя (Jonas Hanway, 1712–1786; “Essay on Tea”, 1756) Ю. Зуроски считает предтечей современного, не романтического, а «саидовского» ориентализма. Как принято считать, этот самый Хенвэй первым придумал использовать зонтик для защиты от дождя, поэтому его трудно считать последовательным противником всего китайского!

Английская культура постепенно переваривала «китайщину», о чем свидетельствуют и многочисленные факты использования китайских образов для критики английских нравов. Многочисленные «Китайские рассказы» (Chinese Tales) второй половины XVIII в. имели основной целью осмеяние эротических привычек собственного высшего общества, а вовсе не воспевание экзотических сексуальных обыновений.

Китайские вещи перестали быть украшением аристократического быта, они вошли во все слои общества, дешевели, их научились имитировать в самой Англии. Это обуржуазивание «китайщины» запечатлел английский роман Нового времени. Главным автором для Ю. Зуроски здесь оказалась Джейн Остин (Jane Austen, 1775–1817), в произведениях которой можно найти многочисленные описания дамских комнат, заполненных «китайщиной», сделанной уже в Англии. В текстах Остин явлен «триумф обыденного над восточным и местного над иностранным» (с. 213).

Таким образом, к XIX в. «китайщина» в Англии стала привычной экзотикой. К наступлению эпохи империализма с ее «саидовским» ориентализмом в буржуазных домах уже был семейный фарфор и ритуалы пятичасового чаепития.

Предложенную Ю. Зуроски методику работы с художественным текстом хорошо было бы применить к русской литературе. Мы явно недостаточно знаем английскую, чтобы дать оценку труда Ю. Зуроски в полном объеме: трудно сказать, упустила ли она что-нибудь либо интерпретировала что-то, подгоняя к своей концепции, на что намекают некоторые англоязычные рецензенты.

В русском языке нет слова «Китай» с маленькой буквы, но есть чай и связанные с его питьем ритуалы, есть «китайка» сразу в двух значениях — яблочки и ткань (она же — нанка, от Нанкина), так что основания для рефлексии имеются.

Review of the book:

**Eugenia Zuroski Jenkins. *A Taste for China.
English Subjectivity and the Prehistory of Orientalism.***

New York: Oxford University Press, 2013 (Global Asias). 304 pp. (in English)

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2017, volume 14, no. 2 (issue 29), pp. 134–139)

Received 22.01.2017.

Tatiana I. Vinogradova

Russian Academy of Sciences Library (RASL); Birzhevaia liniia 1, Vasilievsky Ostrov, St. Petersburg,
199034 Russian Federation.

Key words: China, porcelain, Chinoiserie, Orientalism.

About the author:

Tatiana I. Vinogradova, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Asian and African
Literature, Russian Academy of Sciences Library (RASL) (ptat-vinogradova2008@yandex.ru).